

А. П. Марков¹**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ**

В социально-культурном плане последствия глобализации весьма неоднозначны. С одной стороны, негативные аспекты этого феномена охарактеризованы в литературе всесторонне и убедительно, включая такие тенденции, как размывание национальных культур, усложнение процесса обретения личностной идентичности, ослабление культурообразующей роли национальных языков, массовое распространение различных форм девиантного, ненормативного и деструктивного поведения (наркомания, игровая зависимость, терроризм и т. п.). С другой стороны, современная цивилизация, погруженная в глобальное информационное пространство, концептуально меняет многие атрибуты бытия человека и мира. Информация становится уникальной онтологической субстанцией, внутри которой начинает формироваться нечто похожее на «коллективный разум» — ноосферу Вернадского. Реальным и конструктивным становится диалог культур, который переходит в плоскость индивидуальных коммуникаций ученых, в том числе и в рамках виртуальных сообществ.

Позитивной тенденцией глобализации становится интеграция человечества в сфере научного знания. Воистину глобальными стали проекты последних десятилетий в области освоения космоса, постижения глубинных закономерностей строения физическое вещества, понимания биологических основ жизни и др. Особое значение данная тенденция имеет для развития гуманитарного знания — если развитие естественных наук всегда носило характер естественной экспансии новой концепции или идеи, которая легко преодолевала временные, языковые и иные барьеры, то в гуманитарной сфере ситуация была принципиально иной. До недавнего времени возможности создания глобальных гуманитарных проектов были ограничены — идеологическими границами, которые зорко охраняли ценностную базу гуманитарных наук; языковыми и пространственными барьерами; ментальным видением образа мира, который существенно модифицировал представление определенного научного сообщества не только о приоритетах исследования, но и о самом методе познания.

Сегодня этих барьеров нет. Глобализация, опирающаяся на революцию в области средств коммуникации, породила огромное информационное пространство, внутри которого стало возможным зарождение самоорганизующихся научных сообществ как носителей и творцов новых гуманитарных парадигм. «Всемирная паутина» сделала реальностью диалог культур, который способен конструктивно востребовать в рамках парадигмального знания идеи ученых различных стран и континентов.

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность» и др.

Тенденции развития гуманитарных наук последних десятилетий свидетельствуют о том, что парадигмальная методология производства знания — это перспективная и универсальная модель существования и развития науки в глобальном мире. Парадигмальный этап методологии и структурирования научного знания связан с кризисом позитивистской методологии получения истины. Кроме того, во второй половине XX века актуализируется класс сложных социально-гуманитарных проблем, масштаб которых превышал гносеологические возможности каждой науки в отдельности².

В гуманитарной сфере одним из ярких и убедительных проектов, возникших на основе диалога культур «внутри» глобального информационного пространства, является становление и развитие культурологии — науки, исследующей культуру как целостность, а также ее антропологические проекции, то есть образы и модификации человека внутри определенного культурного пространства. С момента своего возникновения культурология структурировалась и развивалась как *совокупность гуманитарных научных парадигм, специфически объясняющих различные аспекты, уровни и грани феномена культуры*³. История культурологии в XX веке — это процесс становления и диалога различных парадигмальных моделей интеграции наук и организации гуманитарного знания, которые отличаются друг от друга по пониманию объекта исследования, методу, структуре проблемно-тематического поля.

Англо-американская культурология, немецкая философия культуры, отечественная культурология 1960—1980-х годов, исповедующая деятельностный

² В качестве примера парадигмальной организации знаний можно привести синергическую парадигму, в рамках которой была онтологизирована картина самоорганизующейся реальности, а также системно-функциональную концепцию Парсонса, который предпринял попытку структурировать на базе единой методологии различные науки обществоведческой направленности. В рамках парадигмального знания сегодня развивается биоэтика как концептуальная система знаний о пределах возможного манипулирования жизнью и смертью человека, как область междисциплинарных исследований, интегрирующая достижения генетики, биологии, медицинского и уголовного права. В России в качестве примера научных проектов интеллектуально-интегрированного характера можно назвать парадигму «синергичной антропологии», исследующую опыты «онтологической трансформации субъекта» в его движении к истине и смыслу и объединяющую не только ученых-гуманитариев, но и художников, специалистов в области фундаментальных наук. Концептуальное ядро парадигмы прописано в работах московского философа С. С. Хоружего, рассматривающего синергичный опыт преодоления замкнутой в себе человеческой природы как путь преобразования и перехода в иной онтологический статус, как систему конституирующих человека практик «бытия-действия», направленных к «онтодиалогу» с Богом, приобщающих человека к Его нетварным энергиям, претворяющих «образ Божий» в «подобие» в своем существовании.

³ Внутри философского знания критериям парадигмальности в полном объеме соответствует экзистенциализм, философия культуры, а сегодня в границы культурологической парадигмы вписывается постмодернизм, в котором культурная проблематика (как в ее антропологической перспективе, так и плане бытия различных феноменов и социальных институтов) занимает значительное место.

подход, — все они соответствуют ключевым признакам парадигмы, которые в свое время сформулировал Т. Кун: во-первых, наличие сообщества ученых гуманитарного профиля, участников которого объединяет сходство понимания ключевых проблем; во-вторых, специфическая проблематизация и онтологизация особой реальности, фиксируемой категорией «культура»; в-третьих, специфический метод познания культурной реальности. Сегодня культурология продолжает свое развитие в виде активного диалога различных научных парадигм, она живет в режиме «голосов» разных эпох и стран, включая в свой состав тексты Шпенглера и Тойнби, Тайлора и Уайта, Николая Данилевского и Питирима Сорокина, идеи и концепции наших выдающихся современников А. Флиера и И. Кондакова, В. Степина и В. Межуева и многих других.

Становлению культурологии как области гуманитарного знания предшествовал этап концептуализации идеи культуры, за которым последовала экспансия данного понятия в различные науки гуманитарного цикла. Первичная концептуализация понятия культуры осуществляется в рамках антропологических исследований (в частности, в известной работе Э. Б. Тайлора «Первобытная культура», 1871). Затем термин начинает активно расширять свою географию и проникать в ткань самых разных академических дисциплин, модифицируясь под воздействием методологии той или иной гуманитарной науки.

К середине XX века «идея культуры» становится одной из ключевых категорий западноевропейской мысли. Как отметил американский социолог Стюарт Чейз, по широте приложения данная категория сопоставима с такими категориями, как гравитация в физике, болезнь в медицине, эволюция в биологии. Б. Малиновский говорит о культуре как «самой главной проблеме всех социальных наук» (1939). Культурологический контекст становится важнейшим ресурсом объяснения и понимания феноменов в рамках психологии и психиатрии, социологии и педагогики, экономики и права. Все большее культурное измерение получают исследования, выполненные в сфере аксиологии и логики, онтологии и эстетики.

Становление культурологии как науки осуществлялось в процессе диалога ученых различных стран и областей гуманитарного знания по трем ключевым проблемам:

- а) концептуализация и онтологизация объекта исследования;
- б) рефлексия по поводу специфики и сущности научного метода, его отличия от философского познания и методологии частных наук;
- в) понимание границ и содержания «проблемного поля» исследований, диалог представлений о характере и степени актуальности «болевых точек» культурного бытия человека и мира.

Условно динамику взглядов на культуру как объект познания на протяжении XX века можно представить в виде нескольких последовательно сменяющихся концептуальных моделей (или научных парадигм):

1. *Культура как «суперорганика»*, то есть совокупность элементов и частей обычая: язык и верования,

модели поведения и отношения, законы и институты, произведения и формы искусства, орудия и результаты труда.

2. *Культура как целостность* — этот концепт утверждается в первые два десятилетия XX века (историки культурологии называют этот период эпохой «возвеличивания» культуры). Онтологизируются такие объекты исследования, как культурные комплексы, культурные типы, культурные образцы, культурные сближения и контакты. Ученых интересуют вопросы рождения и развития культуры, признаки зрелости и факторы смерти. «Биографами» и «анатомами» культуры на данном этапе становятся антропологи.

3. *Культура как деятельность*. В отечественной культурологической мысли второй половины XX века антропологическая направленность была реализована в рамках деятельностного подхода — именно понимание культуры как деятельности не только определило специфику отечественной культурологической мысли, но и позволило заложить мощный фундамент развития всего гуманитарного знания (работы Э. В. Ильенкова, Ю. Н. Давыдова, Э. С. Маркаряна, Н. С. Злобина, М. С. Кагана и др.).

4. *Культура как ценность* — понимание культуры как своеобразной «духовной матрицы», обеспечивающей идентичность человека и общества, уникального механизма, благодаря которому обеспечивается самоидентичность и целостность социума. В российской культурологической мысли конца XX века сохранение культуры начинает рассматриваться в качестве основы духовной безопасности общества (яркий тому пример — инициированный в середине 1990-х годов академиком Д. С. Лихачевым проект «Декларация прав культуры»).

Многообразие концептуальных (или парадигмальных) подходов — существенная черта культурологической парадигмы с момента ее возникновения до сегодняшних дней. Можно наблюдать, как в зависимости от мировоззренческих оснований парадигмального сообщества меняется и само представление о феномене культуры как объекте исследования¹.

Изначально специфику культурологического метода познания определяла *антропологическая направленность* научных поисков (не случайно Уайт назвал культурологию формой возврата к подлинным антропологическим традициям, к методологии «сверхсоматической антропологии»). У американцев антропологизм носил подчеркнуто рациональный, утилитарный характер — стоявшие у истоков культурологической науки исследователи (в частности, Тайлор, Уайт, Кребер, Клакхон) начинали с изучения человеческого поведения, а также всего того, что его определяет и детерминирует. Смысл этих поисков —

¹ Например, культура в рамках психоанализа и культура в концепции «евразийцев» — это две разные модели культуры, но и та и другая обнаруживают свои «следы» в бытии, то есть в некотором смысле соответствуют критериям объективности. Культура в атеистическом мировоззрении понимается как условие, способ и результат самореализации личности, а культура в трудах отечественных мыслителей, работающих в рамках христианской методологии, — как условие и форма реализации человеком Божьего замысла о нем. И эти культурологические онтологии обнаруживают точки соприкосновения.

обнаружить закономерности, определяющие человеческую деятельность, определить зоны и инструменты воздействия на сознание и поведение этнических и социальных групп.

Принципиальный шаг к неутилитарному пониманию культуры как целостности, как особого символического мира, к пониманию *культуры как идеи* был сделан в рамках немецкой философии, которая завершила фундаментальное оформление культурологической методологии познания культуры как целостности и ценности (идеи В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Рикера, Э. Кассирера). В. Межуев в этой связи отмечает, что «для англичан и французов, склонных отождествлять культуру с цивилизацией, философия культуры и сегодня ни о чем не говорящее понятие»¹.

Культурология в своем развитии обнаруживает различные научные школы, концептуальные подходы и мировоззренческие особенности, которые вносят определенный драматизм в диалог ее составляющих субъектов. Они во многом определяются ценностно-нормативными особенностями той культуры, внутри которой создаются, особенностями ментальных миров исследователей. В частности, обнаруживаются существенные отличия в приоритетах и мотивации культурологических исследований, коренящиеся в традициях отечественной, американской и западноевропейской гуманитарной мысли. Речь прежде всего идет о специфике фундаментальной мотивации познания человека и мира.

Академик В. С. Степин, раскрывая генезис социально-гуманитарных наук, отмечает, что история этих наук в собственном смысле этого слова начинается только в XIX веке — в качестве особых научных дисциплин они конституировались в то время, «когда объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим», когда в культуре техногенной цивилизации «отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как объектам управления и преобразования»².

Действительно, утилитарный аспект гуманитарного познания был характерен для западноевропейской (и особенно американской) научной традиции. И даже целенаправленные попытки выйти за грани утилитарного в область целостного знания о культуре и человеке заканчивались «эксплуатацией» результатов таких поисков в сферах, далеких от принципов гуманизма, в частности, в отработке технологий манипулирования человеческим поведением³.

В отечественной гуманитарной традиции мотивация познания была иная — в философских исканиях XIX — начала XX века доминирует целостная онтология, гуманистическая проблематика, традиции которой не были утрачены многими гуманитариями советского периода. Вспомним, как определял мис-

сию гуманитарных наук академик Д. С. Лихачев, — понять и осуществить гуманистическое содержание и смысл культуры, развитие которой осуществляется через хаос к гармонии, через расширение «сектора свободы» и просветление высшего смысла. Познание, считал академик, совершается не только интеллектом, но и верой, любовью, оно становится родом общения с предметом познания, способом целостного самоосуществления человека познающего.

Парадигмальные отличия обнаруживаются и в специфике культурологического метода. В рамках западной культурологической парадигмы гуманитарная мысль продолжила и развила античные традиции рационализма, которые нашли свое логическое продолжение и завершение в позитивистском методе постижения истины. Гуманитарное познание, игнорирующее духовно-нравственные аспекты бытия, постепенно утрачивает свои онтологические функции: из акта познания исключаются энергии души и сердца, оно становится рассудочным, частичным, неполным.

Парадигмальную специфику отечественной гуманитарной традиции определяли такие особенности научного метода, как целостность, гуманистическая направленность, онтологизм. Последний, по мнению П. Флоренского, есть «основание и характерное положение всей русской философии», которая рассматривает Слово, Истину как силу, изменяющую бытие людей. Подлинное, целостное познание не может оставаться только на уровне интеллектуальных положений, истинное знание всегда «сопричастно бытию». Это значит, что научный метод выступает не только способом познания, но и средством преобразования культурной реальности.

Различные методологические основания лежат в основе единого для культурологии антропоцентристского принципа. Западноевропейская традиция исповедует родившуюся еще во времена античности идею уникальности и самодостаточности личности, принцип «заботы о себе». В рамках отечественной антропологии онтологическая сущность человека содержится не в нем самом, не в его автономности — она рассматривается как производная от некоей целостности, частью которой является человек как проекция Первообраза. В традициях отечественного культурологического знания лежит стремление понять онтологические основания бытия человека как целостности, найти духовные практики самоосуществления личности.

Различия парадигмального характера внутри культурологии — это условие и предпосылка развития науки, ибо конструктивная коммуникация, как отмечал М. М. Бахтин, возможна как *диалог разностей на почве общего*. Чтобы такой диалог состоялся, необходимо расширять пространство мировоззренческой общности, сохраняя при этом концептуальное своеобразие субъектов культурологического дискурса. Общим сегодня является, во-первых, единое понимание культуры как духовной матрицы человеческого бытия, разрушение которой неизбежно ведет к гуманитарной катастрофе. Во-вторых, культурологи едины в осознании остроты проблем развития современной цивилизации, само понимание которых

¹ Межуев В. Д. Идея культуры. М., 2006. С. 6.

² Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 38.

³ В частности, такова судьба «гуманистической психологии» Роджерса и Маслоу, концептуальные наработки которой были использованы не всегда с благородными целями в системе менеджмента и маркетинга.

возможно только в рамках культурологической методологии, способной осуществить междисциплинарный синтез гуманитарного знания, исповедующей целостное видение мира культуры и образа человека.

Следует отметить, что культурологический курс западноевропейских и российских ученых последних двух десятилетий сближается не только в позициях относительно объекта понимания, но и в методах, понимании острейших проблем современности. Входящих в культурологическое сообщество ученых сегодня объединяет резонанс с «болью повседневности», о чем свидетельствуют многочисленные конференции и форумы последнего десятилетия (в том числе и тематика «Лихаческих чтений», серия круглых столов, организованных СПбГУП совместно с журналами «Человек» и «Вопросы культурологии»). Неслучайно в проблемно-тематическом поле современной культурологии — как отечественной, так и западноевропейской — расширяется культурно-антропологическая тематика, что вызвано прежде всего антропологическим кризисом, который переживает европейская цивилизация.

Культурологическое сообщество пытается осмыслить причины и факторы нарастающего конфликта природного и социального, катастрофического сокращения человекосоразмерной среды обитания, разрушения традиционных институтов культурной преемственности, расширения спектра деструктивных социальных практик (наркомания, терроризм, зависимое поведение), истощения человеческой энергии, питающей созидательную деятельность, утраты позитивного образа будущего и роста пессимистических его проектов.

И западноевропейские гуманитарии, и российские ученые исследуют причины антропологического кризиса, выстраивают культурологические сценарии возвращения человека к самому себе, своей глубинной природе, разрабатывают проекты обретения человеком утраченной духовной идентичности. Даже в текстах такого, на первый взгляд, далекого от культурологической методологии философа-постмодерниста, как Мишель Фуко, обнаруживаются «переключки» с онтологическими практиками христианского подвижничества, разрабатываемыми в рамках отечественной парадигмы «синергийной антропологии».

Однако «диалог разностей на почве общего» внутри культурологического сообщества не теряет своего напряжения и сегодня. В частности, остаются весьма существенные различия в оценке российскими и западноевропейскими гуманитариями вклада в антропологический кризис «текстов» европейской культуры XX века, в видении «сценариев» будущего. Нравственно оправданным «голосом» отечественных культурологов являются попытки понять и нащупать пути преодоления антропологического кризиса, который сложился в сфере гуманитарного знания (и выражается в доминировании в последние десятилетия концепций, исповедующих так называемый «негативный антропологизм»). К сожалению, следует признать, что высокий нравственный пафос западноевропейской социально-философской мыс-

ли на исходе XX века сменился интеллектуальной и моральной агонией постмодернизма, объявившего о «смерти человека». Даже конструктивная в своем истоке экзистенциально-ориентированная линия в философском знании в итоге переродилась в философию тоски, уныния и отчаяния, то есть в проект разрушения духовных основ личности¹.

Сегодня мы видим, что воистину вначале было Слово — вначале человек был «разобран» на «атомы» внутри гуманитарного знания, а уже потом стал утрачивать целостность и распадаться в плоскости бытия. В частности, сегодня подвергаются сомнению основополагающие принципы жизни, касающиеся прав человека самостоятельно распоряжаться своим телом и жизнью (в этом плане характерны дискуссии вокруг права на самоубийство, эвтаназию, на манипуляции с органами, тканями и частями тела человека), допустимых границ поведения, обусловленного репродуктивными потребностями и сексуальными девиациями.

Именно «гуманитарная разборка» образа человека приблизила антропологический кризис, последствия которого могут быть не менее серьезными, чем те печальные события, которые произошли после того, как человек разобрал атом на частицы и на этой основе сотворил фантастическое по разрушительной силе оружие массового уничтожения. Сущностная связь гуманитарной сферы и мира реального еще раз подчеркивает великую миссию Слова о человеке и культуре, говорит об ответственности тех, кому дано это Слово — дано призванием, статусом, талантом. Отечественную культурологию в этой связи можно рассматривать в качестве конструктивной альтернативы тем направлениям гуманитарного знания, которые исповедуют «негативный антропологизм» — она пытается собрать «образ человека», измельченный и раздробленный в рамках специализированного гуманитарного знания, в сферу ее интересов входят ключевые проблемы бытия личности как субъекта культуры.

Сегодня отечественная культурологическая парадигма — это своеобразная метанаука, существующая в междисциплинарном пространстве диалога, в остром проблемно-тематическом «фокусе», стягивающем «энергии» различных гуманитарных наук. Ее специфика состоит в реабилитации онтологической линии в познании. Культурология обеспечила конструктивную координацию гуманитарного знания, выработала, как показало время, эффективные способы «подключения» науки к значимым для жизни человека и общества сферам деятельности. Как форма и результат интеграции различных областей гуманитарного знания, она существенно отличается (и по методу, и по предмету, и по тематике) от тех наук, которые «втянуты» в ее проблемное поле. В рамках культурологии исследуются принципиаль-

¹ Похожий путь прошла и психология, которая начинала как наука, изучающая душу со всеми ее проявлениями — любовь, вера, разум, совесть, — в итоге она стала изучать механизмы, реакции, то есть не целое, а части души человеческой (образно говоря, части «труп» души). Эту тенденцию еще Э. Фромм отметил в работе «Психоанализ и религия». Попытки реанимировать гуманистическую ветвь в западной гуманитарной мысли не нашли своего развития.

но иные горизонты бытия человека и общества, недоступные пониманию в рамках классических наук гуманитарного цикла.

Развитие отечественной культурологической парадигмы осуществляется сегодня в глобальном информационном контексте, который предоставляет неограниченные возможности для коммуникации ученых-гуманитариев. «Всемирная паутина» стала

для культурологии ресурсом развития и пространством осуществления глобальных гуманитарных проектов, она сделала диалог культур реальностью, превратив его в живую коммуникацию идей, концепций и глубинных мировоззренческих позиций, определяемых спецификой национальной культуры, ментальными особенностями и традициями отечественного гуманитарного знания.